В.С. Кузнецов
ИДВ РАН

Китайско-индийские отношения и Далай-лама XIV

Межгосударственные отношения между КНР и Индией, установленные в начале 1950 г., в самом скором времени подверглись испытанию. Его вызвало «мирное освобождение» Тибета, и персонифицировалось оно в личности далай-ламы, духовного и светского правителя Страны снегов.

В ноябре 1950 г. части НОАК двинулись на Тибет под лозунгом его «освобождения». Тогда фактически это было самостоятельное теократическое владение под началом Далай-ламы XIV. Предпринятая Пекином кампания нашла непосредственный отклик в Индии. Премьер-министр Д. Неру публично усомнился в объявленных Пекином мотивах тибетской кампании. «Мне не понятно, от кого собираются освобождать Тибет», – заявил Д. Неру. Не исключено, что это суждение стало известно в Лхасе, местопребывании Далай-ламы, поскольку там находился официальный представитель индийского правительства. Позиция Индии относительно вступления НОАК в Тибет объективно давала основание окружению Далай-ламы считать, что Индия не согласна с провозглашённой Пекином установкой в отношении Тибета.

Когда воска НОАК приблизились к Лхасе, 5 января 1951 г. Далай-лама XIV прибыл на индийскую границу в долину Чумби. Дальше его должны были перебросить на самолёте американским лётчиком, состоявшим на службе у магараджи Дарбханга. Приближённые Далай-ламы возлагали на Индию большие надежды, но индийские власти отказались поддержать акцию. По подписании Соглашения о мирном освобождении Тибета между представителями последнего и властями КНР, Далай-лама пребывает в Лхасе в качестве духовного владыки тибетцев.

В китайско-индийских отношениях вопрос о нём возник в 1956 г. Поводом послужил юбилей джаяньти (погружение в нирвану Шакья-Муни Будды). Торжества должны были проходить в Индии. Далай-ламе было направлено приглашение участвовать в них.

Китайские власти в Тибете воспротивились было выезду Далай-ламы. Очевидно, в расчёт принималось его прежнее намерение бежать в Индию перед приходом НОАК в Лхасу. Вместо Далай-ламы поехать на торжества по

© Кузнецов В.С., 2012

случаю юбилея джаяньти назначили его младшего наставника Триджан Ринпоче. Однако премьер-министр Индии Неру сообщил Пекину, что всё-таки было бы лучше, если бы в Индию на торжества приехал сам Далай-лама. Лишение его возможности участвовать в торжествах в честь Будды было чревато негативным резонансом среди вселенской буддийской общины. Это могло дать повод считать, что коммунистические власти ограничивают свободу деятельности ламаистского первоиерарха. Соглашаясь с мнением Неру, Чжоу Эньлай тоже поехал в Индию, чтобы держать под контролем Далай-ламу.

Участие в торжествах по случаю Будды джаяньти Чжоу Эньлай максимально использовал не просто для демонстрации совместного участия Китая и Индии в знаменательном для вселенской буддийской общины торжестве[1]. Перед Чжоу Эньлаем стояла задача не дать возможности Д. Неру использовать пребывание далай-ламы в Индии в индийских интересах, не оставить Индии никаких шансов так или иначе способствовать ослаблению власти Пекина над Тибетом. А такая перспектива не была полностью исключена, о чём свидетельствовало поведение Далай-ламы. Он колебался, возвращаться ли ему в Тибет. Опасения у Чжоу Эньлая вызывало и то обстоятельство, что по его сведениям в Калимпонге активизировались американские агенты, антикитайские элементы из Тибета и индийские реакционеры. Они вкупе вынашивали планы отделения Тибета от КНР. Чжоу Эньлай неоднократно говорил своему визави, что Далай-лама должен вернуться домой. Далай-лама и Панчен-лама, подчеркнул премьер-министр КНР в одной из бесед с Неру, суть гости, прибывшие по приглашению правительства Индии. По окончанию визита правительство Индии несёт ответственность за то, чтобы они вернулись в Тибет. Неру заверял его, что индийское правительство намерено принять соответствующие меры, чтобы воспрепятствовать возникновению неожиданностей, когда Далай-лама достигнет Калимпонга, и помочь ему вернуться в Тибет. Этого заверения Чжоу Эньлаю оказалось мало.

31 декабря в канун нового года Неру пригласил Чжоу Эньлая поехать с ним в Пуну. В поезде Чжоу Эньлай захотел поговорить с Неру о Далай-ламе. Неру сказал, что нужно поздравлять с Новым годом, в поезде уже веселятся, идёт танцевальный вечер и не нужно вести бесед. Но Чжоу Эньлай был непреклонен: «Как раз сегодня и нужно непременно побеседовать. Далай-лама и Панчен-лама – гости, которые прибыли в Индию по её приглашению. Однако после того как они оказались здесь, поступки и слова индийской стороны нарушают 5 принципов мирного сосуществования». В подтверждение Чжоу Эньлай привёл много фактов. Неру ни словом не возразил, только сказал, что не знает деталей. Чжоу Эньлай также сказал, что оставшись в Индии, Далай-лама и гроша не будет стоить, зато может причинить множество неприятностей. Неру был вынужден подтвердить, что не поддерживает «независимости Тибета и хочет, чтобы Далай-лама и Панчен-лама выехали в Китай».

Словом, совместное проведение Будда джаяньти дало повод Чжоу Эньлаю сказать немало красивых слов, рассчитанных на публику, о традиционной китайско-индийской дружбе, но в личных беседах с Неру он предостерёг его использовать Далай-ламу в антикитайских целях. Нажим, оказанный

Чжоу Эньлаем на Джавахарлала Неру не способствовал на деле упрочению подлинно дружеских отношений между КНР и Индией.

В свою очередь Д. Неру не упустил позднее возможности использовать ситуацию вокруг Далай-ламы в интересах Индии. В 1958 г. Неру нашёл аргументы убедить Пекин отпустить первоиерарха в Тибет. Его пригласили в Пекин на два месяца, а пребывание там затянулось почти на год. Это было похоже на принудительное задержание Далай-ламы. Разумеется, демарш индийского премьера не мог не вызвать негативной реакции у китайского руководства.

Примечание

[1] Об этом подробно говорится в статье Фан Чэнцзо. Цзай Синь Дэли сань цюань далай // Шицзе чжиши. 2006. № 1, стр. 32–33. Выкладки этой публикации использованы в настоящем сообщении.